

Статьи

На перекрестке культур и текстов

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ВИЛЬНЮССКИЙ ТЕКСТ ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЕЩЕ РАЗ ОБ АНАЛИТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КОНЦЕПЦИИ В. Н. ТОПОРОВА*

Инга Видугирите

Вильнюсский университет

Кафедра русской филологии

Центр семиотики и теории литературы имени А. Ж. Греймаса

Проблематика данной статьи сформировалась в ходе проекта по картографированию литературы Вильнюса как формы памяти о городе, который осуществляет группа литературоведов и картографов Вильнюсского университета¹. Суть проекта – воссоздание на основе гео-информационной системы (GIS) разных авторских топографий Вильнюса, которые в дальнейшем должны послужить основой для проведения картографического анализа пространства города в литературе с целью выявить особенности репрезентации города исходя из разных параметров места и текста, предусмотренных в базе данных (например: тип, функция, значение ме-

ста, язык, род, вид текста и т.п.). Проект носит экспериментальный характер, что связано как с немногочисленными опытами в этой области², так и с осознанием того факта, что литература и картография представляют собой два разных способа репрезентации и не могут переводиться на языки друг друга. Тем не менее, создание литературных карт стало поводом для того, чтобы обратиться к теоретическим вопросам исследования репрезентации города в литературе и пересмотреть применяемые в таких исследованиях понятия и концепты. В данном случае речь пойдет об одном из таких понятий – *Петербуржском тексте* В.Н. Топорова (в дальнейшем

* Исследование финансируется Европейским социальным фондом, средствами Всеобщей дотации (проект VPI-3.1-ŠMM-07-K-01-067).

¹ Карты будут опубликованы на веб-странице проекта «География литературы: территории текстов и карты воображения», www.vilniusliterature.flf.vu.lt

² Мне известны только три проекта по картографированию литературы города: *Mapping Saint Petersburg*, <http://www.mappingpetersburg.org/site/>, *Literary Map of Manhattan*, http://www.nytimes.com/packages/khtml/2005/06/05/books/20050605_BOOKMAP_GRAPHIC.html, и *A Literary Atlas of Europe*, <http://www.literaturatlas.eu>

– ПТ), о его соотношении с пространственными исследованиями литературы в XXI в. и о возможностях применения этого понятия к Вильнюсу и его текстам. С одной стороны, обращение к концепту Топорова было вызвано наблюдениями над особенностями образа города в текстах трех литовских авторов, где репрезентации Вильнюса находятся в сложном соотношении и взаимоналожении, что, впрочем, не исключает в каждом отдельном случае индивидуальные авторские пространственные практики и стратегии репрезентации. С другой стороны, в поиске инструментария для исследования литературы одного города, возникла потребность уточнить смыслы уже существующего понятия *Вильнюсского текста*. Цель предпринимаемого соотнесения существующих представлений о ПТ и других городских текстах видится как в актуализации концепции Топорова, которая предстает по-новому в свете современной пространственной проблематики в литературе, так и в определении возможностей и границ употребления этого понятия в отношении других городов, в частности, Вильнюса.

Петербургский текст В.Н. Топорова. Актуализация понятия ПТ и связанной с ним концепции Топорова вызвана отнюдь не ее забвением, а, наоборот, чрезвычайным расширением поля применения, когда она (концепция) гласно или негласно подразумевается во всех аналитических конструкциях *городского* или *регионального текста* (например, *Московский текст*, *Текст Перми*, *Рима*, *Венеции*, *Крымский* или *Сибирский тексты* и т.п.). Под актуа-

лизацией в данном случае разумеется возвращение ПТ в его исходные границы и соотнесение с исследованиями литературных репрезентаций города в XXI в., в частности, с *геокритикой*.

Сравнительно недавно анализ концепции Топорова был проведен Ильей Калининым, который воспротивился некритическому использованию понятия ПТ под давлением авторитета Топорова и поставил себе целью снять «безусловность применения» понятия, «обнажить его собственный прием» и мифогенный потенциал³. Основной пафос калининской деконструкции ПТ сводится к историчности самого конструкта, который позволял Топорову в последние десятилетия советской эры, «в условиях сверхидеологизации», выстраивать ментальное пространство в виде ПТ, которое не только позволяло быть свободным от политики, но и избавляло от идеологической борьбы. Этому отстраняющему от политики эффекту содействовала намеченная Топоровым изоморфность ПТ мифу с его характерными органическим смысловым единством и внутренней антитетичностью. Мифогенность ПТ, по мнению Калинина, усиливалась и его двойной природой – признаками субстанциональности и репрезентативности одновременно (и город, и текст), а также конгенностью города и текста. Мифогенность ПТ стала также причиной того, что, будучи языком описания, ПТ как аналитический

³ Калинин И., ««Петербургский текст» московской филологии», *Неприкосновенный запас*, 2010, № 2 (70), <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ka27.html> (2013-09-02)

термин не вскрывал семиотические претензии языка объекта, а удваивал их. Таким образом, ПТ был «целостным мифологическим конструктом, рожденным гуманитарной мыслью, сочетающей традиционные духовные ценности и язык современного структурализма», и, одновременно, «инструментом эзопова самоописания»⁴.

В отличие от понятия ПТ как текстопорождающей машины, которая в виде литературного бессознательного действует на воображение авторов, Калинин предлагает такой подход к петербургской литературе, который учитывал бы цитатный характер и интертекстуальные связи как города, так и его текстов. По мнению автора, Петербург возник как «цитата» западной культуры в тексте России, и первый литературный текст, который, согласно Топорову, дал импульс ПТ – *Медный всадник* Пушкина, включал в себя целый пласт предыдущей одической традиции, с которой спорил и которую интерпретировал Пушкин. При таком рассмотрении ПТ не является устройством, порождающим новые тексты, а сам конструируется каждый раз в каждом новом тексте, обладающим исторической и герменевтической дистанцией по отношению к другим текстам, ему подобным.

Следует отметить, что любое обращение к ПТ и применение его концепции в связи с другими городами или ареалами уже подразумевает полемику с ней, так как не учитывается исключительность и единственность Петербурга, на которых настаивал Топоров. В зависимости от города, исследователи вы-

бирают отдельные аспекты осмысления тех или других явлений городской литературы⁵. В той или иной степени отмечалась и интертекстуальность городских текстов, на которой настаивает Калинин (характерна теоретическая установка Н.Е. Меднис, согласно которой, интертекстуальность – одна из составляющих свертхтекстов⁶). Меня, в этой связи, интересует отношение концепции Топорова к современным пространственным исследованиям литературы, в частности, к французской школе *геокритики*, на которую существенное влияние оказала философия и городские исследования последних трех десятилетий XX в., т.е. именно того времени, когда определялось понятие ПТ. К такому соотношению подталкивает одна особенность как концепции ПТ, так и ее изложения Топоровым, а именно – несомненно *сознательный отход* ученого от строгого структуралистского взгляда на соотношение и границы текстов жизни и текстов литературы, идеологии и по-

⁵ См., напр.: Лавринец П., «Вильнюс Е. Рейна и вильнюсский текст русской поэзии», *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, № 38(2), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1998, с. 103–112; Абашев В., *Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века*, Пермь: Изд-во Пермского унта, 2000; Меднис Н.Е., *Свертхтексты в русской литературе. Программа спецкурса*, <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (2013-09-02); Лавринец П., «Мицкевич *alias* Ленин: к семантике персонажа виленского текста», *Respectus Philologicus*, № 5 (10), 2004, с. 64–76; Lavrinec P., „Rusiškasis Vilniaus tekstas“, *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009, p. 257–277; Venclova T., „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, *Kultūros barai* 9, 2009, p. 20–28; Venclova T., *Pertrūkis tikrovėje: straipsniai apie literatūrą ir kultūrą*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto leidykla, 2013, p. 399–415.

⁶ Меднис Н.Е., *Указ. соч.*

⁴ Там же.

этики, науки и художественного вымысла. Создается впечатление, что городская пространственная проблематика ПТ в большой мере определила выход Топорова к новому осмыслению связей человека с пространством и к новому научному языку. Данный поворот мысли исследователя особенно ощутим, если рассматривать концепцию текста-города у Топорова на фоне современной геокритики.

Геокритика – направление в рамках компаративистики, которое стало оформляться в самом начале XXI в. и на данный момент обладает корпусом теоретических и практических работ, позволяющих видеть в ней более или менее цельное направление⁷. Теоретическую базу геокритики составляют французская философия второй половины XX в. (Мишель Фуко, Мишель де Серто, Жиль Делёз, Феликс Гваттари), культурная география (особенно труды Эдварда Соджа) и городские исследования (в первую очередь, книга Анри Лефевра *Производство пространства*). В определении своего объекта исследования геокритика признает значение стоявшей у ее истоков урбанистики и сосредоточена на репрезентациях города. Более того, геокритические исследования отдают предпочтение не

индивидуальному авторскому взгляду и тексту, а именно месту (городу), вокруг которого накапливаются им же порожденные тексты – интертекстуальный массив, являющийся как причиной, так и следствием интеракции города и текстов⁸. Геокритика переносит пространственную проблематику литературы из традиционной области «художественного мира» в область *репрезентаций*, которые многочисленны, вариативны и создают гетерогенный образ пространства. К тому же, геокритики исходят из того, что каждая репрезентация отсылает к миру референтов, даже в тех случаях, когда она порождена другими репрезентациями⁹. Отсутствие четких границ между «реальностью» и ее репрезентациями особенно ощутима в процессе непосредственного «чтения»-рассматривания города, когда мы невольно сочетаем собственные впечатления с текстами о городе, которые нам известны и которые являются не менее реальными образами города, чем явленная нам «реальность». По определению Бертрана Вестфала, геокритика работает в промежутке между «реальной» и «воображаемой» географиями, в принципе, очень похожими друг на друга и ведущими к третьей, которую исследователи подвергают анализу¹⁰.

Трансгрессивность отношений между городом и его текстами в понимании геокритиков явно созвучна с характером отношений, которые предполагаются между Петербургом и его текстами в концепции Топорова, ощутившем в пе-

⁷ См.: Westphal, Bertrand, *Geocriticism: Real and Fictional Spaces*, translated by Robert T. Tally Jr., New York: Palgrave Macmillan, 2011; Prieto, Eric, *Literature, Geography, and the Postmodern Poetics of Place*, New York: Palgrave Macmillan, 2013; Tally Jr., Robert T. (ed.), *Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies*, New York: Palgrave Macmillan, 2011; Tally Jr., Robert T., *Utopia in the Age of Globalization: Space, Representation, and the World-System*, New York: Palgrave Macmillan, 2013.

⁸ Westphal B., Op. cit., p. 168–169.

⁹ Ibid., p. 75–110.

¹⁰ Ibid., p. 169–170.

тербургской литературе явление самого Петербурга. В представлении исследователя, ПТ «сохраняет следы своего нетекстового субстрата», и понять его образы можно только путем соотнесения «с самим городом, с “этим” Петербургом, но не отвлеченно, а конкретно – *hic et nunc*».¹¹ Поэтому ПТ – это не просто «усиливающее эффект зеркало города», а часть самого города – место, в котором реальный Петербург преосуществляется в «духовные ценности»¹². На наложение реальностей разного уровня в концепции Топорова указывает сама архитектура границ между Петербургом, ПТ и конкретным произведением, которое репрезентирует город и одновременно отсылает к ПТ: «Текст един и связан <...>, хотя он писался (и, возможно, будет писаться) многими авторами, потому что он возник где-то на полпути между объектом и всеми этими авторами»¹³. Свойственное работам Топорова новое видение города раскрывается и через осознание того факта, что «город и его текст связаны неким единым, но двунаправленным осмотическим процессом, и потому так же трудно решить окончательно, <...> что в тексте от города и – чаще – что в городе и от его текста»¹⁴.

Параллель между концепцией ПТ и современными представлениями о соотношении между городом и его репрезентациями демонстрирует близость Топорова к философской и гуманитарной мысли второй половины XX в., которая готовила так называемый простран-

ственный поворот (*spatial turn*)¹⁵. Поэтому ПТ не может быть сведен только к чистой интертекстуальности или историчности, что было бы сужением и деформацией взглядов Топорова на город и его литературу. Другой аспект этого взгляда – принципиальная позиция исследователя, не признававшего права за другими городами России иметь свой городской текст. В решении вопроса о причинах такой позиции я попытаюсь соотнести ПТ с понятием *Вильнюсского текста* литовской литературы, для выявления которого были актуальны ходы аналитической мысли Топорова в определении исключительности ПТ.

О понятии *Вильнюсский текст*.

В отличие от ПТ, Вильнюсский текст (далее – ВТ), в принципе, может существовать в разных литературах: польской, еврейской, литовской, русской, белорусской, украинской. К настоящему времени понятие применяется в отношении русской литературы¹⁶, литовской литературы¹⁷ и в отношении всей многоязычной литературы Вильнюса¹⁸. Соблюдая последовательность

¹⁵ О пространственном повороте в разных областях гуманитаристики и социальных наук см: <http://spatial.scholarslab.org/spatial-turn/what-is-the-spatial-turn/> (2013-11-01).

¹⁶ См.: Лавринец П., «Вильнюс Е. Рейна и вильнюсский текст русской поэзии», с. 103–112; он же, «Свое» и «чужое» в вильнюсском тексте русской литературы», *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija 2*, Vilnius: Vilniaus pedagoginis universitetas, 2000, p. 141–147; Lavrinec P., “Rusiškasis Vilniaus tekstas”, p. 257–277.

¹⁷ Видугирите И., «“Вильна” Константина Балмонта: русский голос в вильнюсском тексте литовской литературы», *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, № 53 (2), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2011, p. 17–25.

¹⁸ Venclova T., „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, p. 20–28; idid, *Pertrūkis tikrovėje...*, p. 399–415.

¹¹ Топоров В.Н., *Петербургский текст русской литературы*, С.-Петербург: Наука, 2003, с. 7.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 26.

¹⁴ Там же, с. 29–30.

в изложении, начну с концепции Томаса Венцловы, который принципиально не делит ВТ на разные национальные традиции и рассматривает его как единый корпус литературных текстов в их исторической очередности и в связи с историей города. Сравнительному анализу ВТ и Таллиннского текста Венцлова предпослал небольшое концептуальное теоретическое введение, в котором, оговорив нормативный подход Топорова к ПТ и его скептический взгляд на существование других городских текстов, переключил внимание на «язык» города, который «говорит» с нами на языке своей топографии, климата, зданий, а также произведений, которые связаны с его историей и судьбой. Этот язык можно реконструировать из текстов, составляющих *речь* города (аналогично дихотомии язык – речь у Ф. Сосюра). Венцлова подчеркивает, что с речью города принято связывать письменные тексты – поэзию, романы, эссе, письма, однако к ней относятся и архитектура, которая составляет субстрат любой «речи» города, и живопись, графюры, фотографии, фильмы, и судьбы людей – все, что подкрепляет ауру и миф города и помогает сохранить его в культурной памяти как своеобразное специфическое единство¹⁹. В отношении города, пространство которого всегда имеет семиотический потенциал и воздействует на литературу, эта «речь» вторична²⁰. Венцлова убежден, что в качестве аналитического понятия ВТ должен сосуществовать с другими универсалиями – такими как «мифо-

поэтика города» и «поэтика города», и склонен завычивать понятие ВТ²¹. В сравнении с Таллиннским текстом, ВТ, в определении Венцловы, характеризуется одиннадцатью признаками (ряд признаков может быть продолжен), среди которых – пограничье государств и культур, характер культурного анклава, напряженные отношения с деревней, мультикультурность и полиглотизм, общие для всех культур символика, мифы, метафоры, сакральность города, основание его автохтонами, ностальгия как основной признак текста, неоднозначность культурной и национальной идентичности жителя города, эксцентричность и мифологичность²².

В отличие от свободного, творческого обращения Венцловы с термином *городской текст*, в работах Павла Лавринца, который, в основном, занимается ВТ русской литературы, можно наблюдать попытку более строгого терминологического подхода в духе Топорова. Правда, теоретическое осмысление понятия *городской текст* Лавринец предпослал работе с разноязычным материалом, рассматривая семантическую нагрузку и функции такого персонажа ВТ, как «поэт из прошлого»²³. Исследователь считает, что Вильнюсский текст «может определяться так же, как определяется ПТ Топоровым, а именно – как «синтетический сверткест, с которым связываются высшие смыслы и цели», которые, как показывает проведенный Лавринцом анализ, восходят к «архе-

²¹ См.: Ibid.

²² Ibid., p. 401–402.

²³ Лавринец П., «Мицкевич *alias* Ленин: к семантике персонажа виленского текста», с. 64–76.

¹⁹ Venclova T., *Pertrūkis tikrovėje...*, p. 399.

²⁰ Ibid., p. 400.

типической конструкции мифологемы творения и религиозной идеи восстановления времени начал, периодического воспроизведения первособытия и установления космического порядка, повторения действий демиурга и культурного героя»²⁴. В качестве работающей теории Лавринец принимает и другие признаки ПТ: «сходные предметно-образные ряды», «однотипные сюжетно-композиционные решения», «устойчивые семантические комплексы», «единство и семантическая связность», «материальная выраженность» и «границы начала и конца, свойственные всякому отдельно взятому тексту»²⁵.

Однако, на мой взгляд, не все *a priori* принятые характеристики ПТ, работают в отношении ВТ. Например, не подлежит сомнению общая идея прецедентности, проявляющаяся в рассмотренных исследователем стихотворениях на сюжетно-тематическом уровне в виде парных персонажей и парности архитектурного антуража. Но могут ли результаты анализа нескольких стихотворений циркулировать в более широком контексте, скажем, в современной литовской прозе о Вильнюсе (прозе Р. Гавялиса, Ю. Кунчинаса, А. Рамонаса), которая оказывается за пределами ВТ и по названному признаку архетипа возвращения к первоистокам, и по признаку прецедентности. К тому же, о каких границах ВТ, предполагаемых по аналогии с определенными Топоровым границами ПТ, мы можем говорить?

Другой любопытный аспект многозначности ВТ раскрывает соположение

его вариантов у Венцловы и у Лавринца, которое доказывает, например, сущность для ВТ мифопоэтического пласта или повторяемости определенных символических локусов, но одновременно выявляет несовпадение героев и их судеб и разную эмоциональную окраску ВТ – преобладание ностальгии в ВТ у Венцловы и ожидание обновления, свершения надежд в ВТ у Лавринца. Оказывается, что границы, образы и смыслы ВТ зависят от материала, отобранного для реконструкции, ракурса и фокуса его рассмотрения, а также личной заинтересованности субъекта, описывающего городской текст (последнее может иметь первостепенное значение). Важно отметить, что приведенные выше варианты ВТ не исключают друг друга и могут быть сопоставлены (это зависит от воли их авторов), однако в целях дальнейшего применения расшатанное понятие городского текста должно быть соотнесено с неким внешним по отношению к литературе критерием, который не подлежит разным авторским интерпретациям, а принимается как данность.

Я предлагаю усмотреть этот критерий в связи городского текста с определенной национальной традицией (литовской, русской, еврейской), а также с относящимся к этой традиции историческим нарративом и его центральным событием. Подкрепление такого подхода можно найти у того же Топорова – в его убежденности в исключительном праве Петербурга на свой текст (ПТ). Это исключительное право ученый увидел в нерасторжимой связи ПТ с русской историей: «В пушкинском варианте развития петербургской темы уга-

²⁴ Там же, с. 75.

²⁵ Там же, с. 65.

дывается нечто провидческое, и в нем, возможно, впервые прозвучал *отклик* России на явление Петербурга»²⁶. В дальнейших рассуждениях Топоров выводит исторический сюжет Петербурга в символическую и мифологическую сферы, представляя его как поединок добра и зла, борьбу за жизнь и спасение²⁷, что вызывает критику И. Калинина²⁸. Но исторический контекст ПТ сохранен (в случаях анализа конкретных произведений, пожалуй, в большей степени, чем в теоретической статье 1984 г. и ее переработке в 1991 г.). Этот исторический контекст – петербургский период русской истории, с которым связаны и границы ПТ. Представляется, что это и есть основной признак, позволяющий говорить о Петербурге как городе исключительном и неповторимом.

Применяя такой подход к Вильнюсу, мы получаем обоснование для разных ВТ, восходящих к разным национальным традициям с разными городскими историческими нарративами. На основе работ Валентины Брио²⁹ и Венцлова с уверенностью можно говорить о еврейском, польском и литовском ВТ. Лавринец доказал существование ВТ в русской литературе, когда связал его с событием Отечественной войны 1812 г., закрепившим Вильнюс в российском культурном сознании³⁰. Во всех этих случаях история оказалась более весомой опорой для воссоздания

городского текста, чем универсальные мифологические конструкции.

Вильнюсский текст литовской литературы. Событием, которое позволило окончательно оформиться ВТ в литовской литературе, стало возвращение Вильнюса Литве в 1939 г., что было воспринято литовцами как осуществление всенародной мечты вернуть себе древнюю столицу и восстановить символическую основу литовской государственности в целом. Последующие трагические события – Вторая мировая война, уничтожение еврейского населения, эмиграция поляков в Польшу, истребление и ссылка «врагов народа» в Сибирь – радикально изменили состав народонаселения города и способствовали тому, что Вильнюс, до этого многонациональный и многоконфессиональный город, начиная с 1950-х гг., стал литовским. Как утверждает Венцлова, задачей литовской культуры стало укрепление в городе, освоение его семиотического пространства³¹. Однако потребовалось еще 40 лет для того, чтобы город вошел в литовскую литературу в виде фундаментального обстоятельства эпических сюжетов больших повествовательных форм. Это осуществилось в романе Ричардаса Гавялиса *Вильнюсский покер* (1989), в повести Антанаса Рамонаса *Белые облака прошедшего лета* (1991) и в романе Юргиса Кунчи-наса *Туула* (1993), в которых развитие сюжета и состояния персонажей полностью предопределены особенностями Вильнюса – его местоположением, географией, историей, статусом столицы, стратегиями градостроительства,

²⁶ Топоров В.Н., *Петербургский текст русской литературы*, с. 5. Курсив автора цитаты. – И.В.

²⁷ Там же, с. 7, 23, 26–27.

²⁸ Калинин И., *Указ. соч.*

²⁹ Брио В., *Вильнюс: Поэзия и поэтика города*, Москва: Новое литературное обозрение, 2008.

³⁰ Lavrinec P., „Rusiškasis Vilniaus tekstas“, p. 258.

³¹ Venclova T., *Pertrūkis tikrovėje...*, p. 407.

социальной структурой населения, и могут быть реализованы только в этом городе. Названные литовские авторы являются представителями одного поколения, выросли в провинции, приехали в Вильнюс учиться в университете, примерно, в середине 1960-х гг. и, как их основные герои-*flâneurs*, начали открывать для себя видимые и невидимые лабиринты города. Эти произведения, продолженные Гавялисом и Кунчиным серией схожих городских романов, буквально завоевывали пространство города, разделяя его на «свои» территории, и настолько верно воспроизводили топографию Вильнюса, что могут считаться своеобразными *палимпсестами*, через которые просвечивает карта города. Вильнюс здесь не просто фон или обстоятельство места, а условие повествования, которое последовательно опирается на топографию города – улицы, площади, реки, кладбища, мосты. Вильнюсские здания оказываются локусами определенных мотивов, смена мест соответствует развитию определенных тем, описания панорам выстраиваются как метонимии внутренних состояний героев (в каждом отдельном случае эти связи осуществляется по-разному, но сам принцип сохраняется). Весь ряд автобиографических совпадений – интимная связь с городом, его обретение и присвоение, как и близость названных авторских текстуальных стратегий в отношении городского пространства, а также физическое «присутствие» города в тексте позволяют видеть в этих произведениях некое единство, которое вычитывается из текстов при разном

осмыслении пространства, истории, современности и завтрашнего дня города. Это единство, вслед за Топоровым, я склонна соотнести с тем фактом, что данные произведения с разных точек зрения *откликаются* на одно важное событие литовской культуры – возвращение в историческую столицу, и данная связь с историей дает возможность говорить о *вильнюсском тексте литовской литературы*.

Выводы. Понятие ПТ Топорова сохраняет свою актуальность и за пределами советской эпохи, идеологизированная атмосфера которой его отчасти обусловила. Доказательством этой актуальности служит предложенный исследователем модус трансгрессивного соотношения города и текстов, который находит отклик в постмодернистских представлениях о пространстве в литературе. Одновременно, исторический аспект ПТ, его связь с вопросом о значении Петербурга и всего петербургского периода русской истории, может послужить критерием в определении наличия или отсутствия городского текста у любого города, в частности, и у Вильнюса. Историческим событием, повлиявшим на образование Вильнюсского текста в литовской литературе, стало возвращение Вильнюса Литве и последовавшая за этим литуанизация города. Появившиеся спустя 50 лет литовские эпические произведения большой формы, сюжет которых может быть реализован только в Вильнюсе, являются ответом на это историческое событие и дают основание говорить о ВТ литовской литературы.

RUSŲ LITERATŪROS *PETERBURGO TEKSTAS* IR LIETUVIŲ LITERATŪROS *VILNIAUS TEKSTAS*: DAR KARTĄ APIE VLADIMIRO TOPOROVO KONCEPCIJOS ANALITINĮ POTENCIALĄ

Inga Vidugirytė

S a n t r a u k a

Vladimiro Toporovo *Peterburgo teksto* sąvoka kritikuojama dėl jos mitologinio pobūdžio, objekto ir jį aprašančios kalbos sumaišymo bei pačios intencijos sukurti tokį mentalinį konstrukta, kuris leistų išvengti politikos ir ideologijos svarstymų. Šiuo požiūriu, Peterburgo tekstas yra sovietmečio laikotarpio reiškinys. Nepaisant to, pagal analogiją su Peterburgo tekstu Rusijos humanitariniuose tyrimuose dauginasi miestų ir regionų tekstų sąvoka (pvz., Maskvos, Permės, Krymo, Sibiro tekstai), kuri vartojama vieno ar kito geografinio reiškinio literatūrai aprašyti. Straipsnyje siūloma pažvelgti į Peterburgo tekstą literatūrinės geokritikos tyrimų kontekste, kuris at-

skleidžia Toporovo požiūrio į miestą ir jo literatūrą artimumą dabarties mąstymui apie literatūrinės miesto reprezentacijas, pripažįstant, kad ribos tarp miesto ir teksto yra transgresyvos ir nepastovios. Kita vertus, Toporovo koncepcija yra paranki ir gali būti naudojama kaip analitinis įrankis, kai miesto tekstas yra suvokiamas kaip atsakas į tam tikrą nacionalinės istorijos įvykį. Šis požiūris straipsnyje pritaikomas kalbant apie lietuvių literatūros Vilniaus tekstą, kuris galutinai susiformavo praėjus 40 metų po Vilniaus atgavimo stambios formos prozos kūriniuose, parodžiusiais, kad miestas jaugo į lietuvių kultūrinę sąmonę.

THE *PETERSBURG TEXT* OF RUSSIAN LITERATURE AND THE *VILNIUS TEXT* OF LITHUANIAN LITERATURE: ONCE AGAIN ON THE ANALYTICAL VISTA OF VLADIMIR TOPOROV'S CONCEPT

Inga Vidugiryte

S u m m a r y

The concept *Petersburg text* by Toporov is criticized for its mythological essence, for the confusion of the languages of the object and the analysis in its description, and for the very attempt to create a mental space in which one can escape politics and ideology. The point of such critique is that the concept of *Petersburg text* is a product of the Soviet era and its highly ideologized atmosphere, as well as of the wish of the intellectuals not to participate in it. Nevertheless, there is a range of texts of cities or regions made by analogy with the *Petersburg text* (e.g., Moscow, Perm, Siberian, Crimean texts) in the recent Russian humanities. In this article, the author makes an attempt to show the actuality of the Toporov's concept by comparing it with the modern geocritical theory that does not make a strict

separation between cities and texts and treats them as transgressive and mobile. On the other hand, it is stated that the concept of Toporov gains its actuality in discussing the text of the city in its relation to the main historical event of the nation, viz. the founding of Petersburg. This thesis could be proved by applying the notion to Vilnius and its literature. The main event of the modern Lithuanian history concerning Vilnius is the fact that it was given over to Lithuania in 1939. It took another 40 years to create the Vilnius text of Lithuanian literature, in which heroes and their stories are inseparable from the city and its history as well as from its topography. This means that Vilnius and its semiotics have been assimilated by Lithuanian culture, and the city has acquired its text.

Получено: 2013, октябрь
Принято: 2013, октябрь

Адрес автора:
Vilniaus universitetas
Rusų filologijos katedra
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: inga.vidugiryte@flf.vu.lt